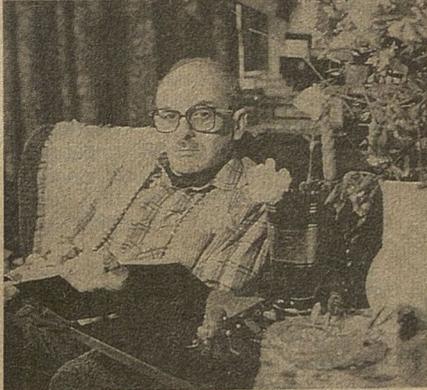

Надежды маленький оркестрик...

Рос. Вест. - 1991. - 29 дек.

Буллат Окуджава... Эпоха? Пожалуй, нет. Он вне времени, которое обходит его стороной, как остров, обтекаемый вечно меняющимися водами жизни. Окуджава был, есть и будет, пока жива надежда. А иначе зачем на земле этой вечной живем?

Молитвенность песен Окуджавы, не Господу, но сердцу, заменяла эту неизбежную тягу человека сказать что-то выше обыденного, сказать внутрь себя, где, может быть, и есть приток надежды, убежище веры...

Ирина ГОРЮНОВА

- Так получилось, что вы стояли у истоков демократического процесса, оказавшего гигантское влияние не только на моральную атмосферу 60-х, но и на падение коммунистического режима. Ощущаете ли вы себя и теперь в этом качестве?

- Не буду говорить о себе. Но думаю, что деятельность шестидесятников принесла определенные плоды. Люди стали задумываться над тем, кто они, откуда, во имя чего живут...

- Вы не испытываете чувство стыда за то, что происходило, скажем, 20 лет назад в нашей стране?

- Чувства стыда нет. Хотя я прекрасно понимал, что режим был чудовищен и преступен. Но я не предполагал, что этот режим сбросят и ликвидируют. Считал, что его можно еще оочеловечить, облагородить. Теперь многие, особенно молодые люди, обвиняют нас в том, что мы не видели необходимость в гибели системы, не стремились к этому. Но нельзя обо всем судить по меркам сегодняшнего дня. Мы ведь были детьми своего времени. Никто же не осуждает Александра Сергеевича Пушкина за то, что он был помещиком, владел крепостными. Но сегодня я думаю так: коммунистический режим надо разрушить до конца.

- Если бы сейчас вам сказали словами вашей же песни: «Возьмем за руки, друзья», кого конкретно вы бы хотели видеть в этом кругу? Кто бы остался вне его?

- Сейчас, безусловно, есть потребность в объединении. Много разрушено. А может, это и умышленно делалось? Я, кстати, после той песни написал такие строчки:

Взяться за руки не я ли призывал вас,
господа,
Отчего же вы не вслушались в слова
мои
тогда?
Кто-то резкий наши души друг от друга
уводил,

Чем же я вам не потрафил?

Чем я вам не угодил?

- В шестидесятые годы вы действительно искренне надеялись на эволюцию. И верили, что коммунистический режим можно оочеловечить?..

- Да. Среди нас были разные люди, но была одна цель, одна мечта. Было единомыслие в высоком смысле. Мне, к примеру, совершенно не интересна поэзия Вознесенского. Он не мой поэт, хотя я признаю его талант. Но в те годы, когда начинали Вознесенского бить, я выступал в его защиту.

- Возможно ли в наши дни влияние поэта на политическую ситуацию, так как это было в шестидесятые годы?

- Сегодня нет. Не до этого! А завтра, когда стабилизируется ситуация, -

посмотрим.

- У вас есть «любимцы» среди своих произведений?

- Удачными были, может, даже не по стиху, а по «попаданию» во время, «Последний троллейбус», «Ах, Арбат мой», «Вы слышите, грохочут сапоги», «Молитва».

- Пастернака, когда он был уже не очень молод, раздражало, что его все время спрашивают о «пустяках» - о поэзии, что никто не говорит с ним о прозе. Вам это свойственно?

- Признаюсь, когда я стал писать прозу, у меня такое ощущение было. Однако склоняюсь к мысли, что свое предназначение я все же осуществил в стихах.

- Сейчас много сетуют на то, что в России, мол, нет новой литературы. Молодежь книг не читает, и вообще падает к ним интерес...

- Мне эти разговоры смешны! Литература жива, она продолжается. К примеру, Гареев, работая дворником, однажды принес мне рукопись. Мне, воспитанному на классической литературе, трудно было о ней судить - не в моем вкусе. Я попросил Женю Попова опекать этого «дворника». Сейчас Гареев - известный автор. Такие, как он, пытаются совершать в литературе открытия. И таких талантов немало. Просто нашему «рыночному» обществу не до них.

- Чем вы заняты сегодня?

- Сажу в Переделкине и пишу. Правда, приходится отвлекаться. Один критик ругал меня, что герои моего романа используют пистолет Лефорше в 1851 году, а тот был изобретен позже. Когда роман переиздавали, я сделал сноску: действительно - пистолет Лефорше был изобретен в 1853 году, но в 49-м опытный его образец изобретатель... подарил моему герою.

- Евгений Леонов как-то признался, что после операции на сердце, которую ему сделали в Германии, у него изменилось мироощущение. А у вас - после операции в Америке?

- Мироощущение не изменилось. Изменилось... зрение: после операции на сердце я снял очки. Полтора года хожу без очков. Спрашивал у американских хирургов: почему? Они смеются: может быть, что-то задели у вас...

- Как вы отнеслись к распаду Союза?

- Пресловутая «дружба народов» была большой палкой, под угрозой которой мы жили. Сегодня этой угрозы нет, и все, что внутри кипело, выплеснулось наружу. Это старая болезнь, нарыв, который вскрыли.

Коммунистическое рабство создало особую породу людей - «советских». И это рабство еще живет в нас... Мы еще очень тяжело больны. Мы - в состоянии реанимации. И неизвестно, когда и чем кончится процесс лечения свободой. Надеюсь все же, что Россия выздоровеет. Надеюсь потому, что я вообще человек надежды.